

«ПАМЯТЬ»

Трофим Борисов

Портартурцы

1940—1942

Трофим Борисов
Портартурцы. 1940—1942

«Издательские решения»

Борисов Т.

Портартурцы. 1940—1942 / Т. Борисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967951-2

Исторический роман о защитниках Порт-Артура. Трофим Борисов — писатель, который одним из первых в отечественной литературе воссоздал панораму обороны Порт-Артура. Его книга может служить по-настоящему правдивым документом ушедшей героической эпохи. «Портартурцы» достоверна не только по историческим материалам, но и по личным воспоминаниям. Ведь ее автор сам был участником описываемых событий.

ISBN 978-5-44-967951-2

© Борисов Т.
© Издательские решения

Содержание

Портартурцы	6
Часть Первая	6
1	6
2	7
4	9
5	10
Глава вторая	20
1	20
2	21
Глава третья	23
1	23
2	24
3	27
Глава четвертая	31
1	31
2	36
3	38
4	39
Глава пятая	41
1	41
2	43
Глава шестая	44
1	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Портартурцы 1940—1942

Трофим Борисов
Трофим Борисов

© Трофим Борисов, 2019

© Трофим Борисов, 2019

ISBN 978-5-4496-7951-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Портартурцы

Часть Первая

Глава первая

1

Тихон Подковин весело отсчитывал ступеньки широкой лестницы, направляясь к выходу. Час тому назад секретарь Иркутской судебной палаты сказал ему:

– Вы можете быть нашим регистратором.

Огромные слова на мраморной доске «Правда и милость да царствует в судах» сегодня показались ему особенно важными.

Вечером, по настоянию своей сестры Фимы и ее подруги Вари Березкиной, Тихон подробно рассказывал, как он «производился» в регистраторы.

Варя громко смеялась.

– Значит, все пойдет по-хорошему, – говорила она. – Скоро будешь чиновником.

– Дело пойдет... Но чиновником мне не бывать. Нужно высшее образование. Я даже до штатного регистратора не дойду.

Варя вопросительно взглянула на Тихона.

– Ты все забываешь, что мне в солдаты идти...

Варя жила на том же дворе с матерью-санитаркой и братом в одной комнате.

«Даже ни разу за руку не взял, – думала девушка, перебегая через двор. – Чего он такой? Не смеет или не любит?»

Мать Вари сидела за столом и шила.

– Тихона регистратором назначили.

– Я не сомневалась в нем. Его можно и делопроизводителем назначить.

– А он говорит: не буду я чиновником. Солдатчина помешает.

– Рассудительный парень. Он и жениться до окончания военной службы не будет.

Варя тяжело вздохнула. Мать взглянула на дочь.

– Я Тихона одобряю. Не следует жениться лобовому, много у семейных солдат несчастий бывает... Будем ждать. Ему до призыва еще год с лишним...

Варя отвернулась и стала беспокойно разглаживать свои темные волосы; ее влажные ресницы вздрагивали.

2

До поступления в судебную палату Подковин был приказчиком в рыбной лавке купца Кытманова. Ему надоели капризные барыни-покупательницы. Но и в канцелярской работе он не нашел удовлетворения.

«Два года – в судебной палате, четыре – на военной службе, – а потом – на новые места, к сибирским рекам», – часто думал Тихон.

Полгода назад он познакомился с семьей торговца Рычагова. У сына его, Елисея, он брал книги для самообразования.

Незадолго до этого знакомства молодой Рычагов ездил в Порт-Артур. Нужно было присмотреть местечко для торговой деятельности, а в Маньчжурии как раз строились новые города, проводилась железная дорога.

– Дальний Восток необходим нам как воздух, – любил говорить Елисей. – Мы, русские, должны освоить его.

Во время разговора Елисей часто закрывал глаза. Он стоял прислонившись к стене, опираясь левой рукой на спинку стула. Напыщенность речи и игра со стулом коробили Тихона.

Висячая лампа освещала стол, за которым сидел Рычагов-отец. На сухощавом и продолговатом лице старика блуждала усмешка.

– Если мы не укрепимся в Маньчжурии, – продолжал Елисей, – то туда влезут американцы или японцы.

– Японцы!.. – воскликнул отец, – Пустышная страна, парикмахеры. Опасность – от англичан, а всего скорее от немцев.

Молодой Рычагов наклонился вперед, навалившись на спинку стула.

– Ты прав, папа. Однако орудием против нас англичане изберут японцев. А их-то мы одолеем! В Порт-Артуре стоят наши военные корабли.

– Ты был на них? – спросил Подковин.

– Был. И порт-артурские форты видел. Они замаскированы, подготовлено несколько линий обороны. Но вряд ли нам придется воевать на суше. Русский флот не допустит врага на берег. Крепость возводится на всякий случай... Сейчас делается упор на расширение экономического влияния. Нам нужен торговый незамерзающий порт, и таким портом будет город Дальний.

– Что же ты не выбрал там себе местечко?

– У нас с тобой, папа, карман тонок. Для работы в Дальнем или в Харбине, нужен капитал. Китайцы – первоклассные коммерсанты и конкурировать с ними весьма трудно. Чтобы осмотреться и обжиться среди них – требуются деньги. Переедем туда годика через два. А за это время там достроят крепость и усилят флот.

– Хитер парнишка, – сказал старик и толкнул Подковина в бок. – Хотя, по правде сказать, так можно и очень хорошее дело упустить.

– Напрасно тревожишься. У нас не только Амурский край ждет предприимчивых людей. И тебе, и особенно нам с Тихоном работы хватит.

– Тихону в солдатах надо побывать, – заметила мать Елисея.

– Отслужит свой срок и ничего с ним не случится.

– А вдруг война?

– Войны не будет.

3

Разговоры о Порт-Артуре часто велись и в судебной палате, где работал Подковин. Как-то утром секретарь канцелярии Николай Васильевич Делюсто порылся в папках и подал адвокатам подписной лист.

– Господа, в крепости Порт-Артур сооружается собор. Жертвуйте кто сколько может.

Первым на листе расписался молодой адвокат Патушинский.

– Говорят, наша новая крепость будет неприступной твердыней. Русское командование учло и местные условия и новейшие данные инженерно военной науки, – сказал он.

– С кем же ей придется иметь дело? – опросил Делюсто.

– Несомненно, с японцами, – важно проговорил присяжный поверенный Стравинский, подписываясь на сто рублей.

– В таком случае крепость будет праздною! – воскликнул Патушинский. – Японцам не дадут высадиться.

– Задор свойствен молодости, – вмешался в разговор знаменитый защитник Зверев. – Но задор перед началом дела вреден, ибо не позволяет детально изучить опасность. Между тем Япония растет не по дням, а по часам.

– Япония любит сравнивать себя с Великобританией, но она прыщ, – возразил Патушинский.

– Тем более, тем более... Прыщи бывают разные. И к ним нужно подходить умеючи, а то может образоваться злокачественная опухоль.

– По последним данным, на Порт-Артур отпущено более двух десятков миллионов рублей. Там работает несколько комиссий из военных специалистов. Вероятно, не только мы с вами, Иван Николаевич, озабочены охраной наших государственных интересов, – сказал Стравинский, не любивший Зверева и завидовавший ему.

– Совершенно верно, Рафаил Сигизмундович. Ваша конкретность всем известна. Но нельзя забывать, что Япония не одна. К тому же театр военных действий будет, фигурально выражаясь, в трех шагах от нее и за десять тысяч верст от нашего центра. Есть слухи о медленном оборудовании крепости... Хорошо бы съездить туда и посмотреть... Кстати, почему там ни разу еще не была выездная сессия судебной палаты? Николай Васильевич, каково ваше мнение на этот счет?

– Дел оттуда поступает порядочно. Казенные деньги, недобросовестные подрядчики... К весне можно будет что-нибудь придумать.

Раздался звонок. Все ушли в зал заседаний.

4

В последнее воскресенье января к Подковиным пришла Валя Инова. Тихон познакомился с ней на третий день рождества у Рычагова.

– Пойдемте сейчас к нам, – предложила Валя Тихону и его сестре. – Наши уехали в деревню, и нам никто не помешает... Я боюсь, что мы скоро уедем из Иркутска. Папе предлагают очень выгодную службу на Дальнем Востоке. Жаль мне с вами расставаться, но, видимо, придется.

Тихон начал отговариваться.

– И не думай. Что за новости?.. Пойдем, пойдем!..

Квартира банковского служащего Модеста Владимировича Инова была большая и роскошно обставленная. До сумерек никто не приходил. Валя играла на рояле, Тихон пел. Фима рассматривала иллюстрации в богатых изданиях библиотеки Иновых.

– Из тебя, Тихон, можно сделать певца, даже для сцены.

– Я никогда не стал бы артистом. Но петь я люблю. Изредка спеть что-нибудь для друзей неплохо.

Вале вдруг захотелось объясниться с Тихоном.

– Для Вари?

– Варя хорошая девушка, но я не давал ей никакого повода...

– Я же вижу...

Щеки Тихона покрылись румянцем.

– Послушай, Тихоня, я хочу загадать тебе загадку. Ты не обидишься на мою шутку?

– Твоих шуток я боюсь только в большой компании. Говори.

– Решил ты жениться, и на примете у тебя две красавицы. Обе они тебе нравятся, и ты уверен в успехе. В каком порядке ты стал бы делать предложение?

– Первой тебе и последней Варе. В ней я уверен, а в тебе нет. А если бы я сделал предложение Варе, то не смог бы доставить удовольствие тебе.

– Вот какой ты ехидный... Но ты бы проиграл. Разве я упустила бы такого сокола?

Валя громко засмеялась.

– А в какие хоромы я поведу свою фею?

– Вон что придумал! У нас различное общественное положение, ты сын крестьянина... Но ведь в выборе возлюбленного участвует сердце, а не рассудок, – сказала Валя.

– Все это правильно, но только не для мужа, а для возлюбленного.

Ты несносный мальчишка, – прикусив губу, ответила Валя. – Ты рассуждаешь, как старик, но ты, со своими тёмно-серыми глазами, отрок...

В мае Иновы должны были отправиться в Харбин, а в конце апреля стало известно: сессия судебной палаты поедет на Дальний Восток в июне. Тихон был включен в состав сессии.

– Одной твоей поездкой можно оправдать твою работу в качестве регистратора, – сказала Валя, услышав приятную для Подковина новость.

Тихон со смущением посмотрел на девушку. Сердце его учащенно билось.

5

За Хинганским хребтом перед Подковиным и судебными чиновниками, выехавшими из Иркутска на сессию, развернулись плодородные равнины Маньчжурии. Кругом безлесный, холмистый простор. Селений было еще мало, но стада коров встречались часто. Поезд пересекал поля с густыми зарослями гаоляна и кукурузы. На высоких грядках зеленела соя. Поля, засеянные ею, казались полосатой тканью.

Делюсто и член судебной палаты Костинский не отходили от окна вагона. Товарищ прокурора Ераков, защитник Зверев, член палаты Малиновский и председатель гражданского отделения барон Таубе играли в карты.

– Богатая страна лежит у нас под боком. Дикая и пустынная страна. О ее хозяйственных возможностях даже китайцы узнали только после проведения русскими Китайско-Восточной железной дороги, – сказал Делюсто.

– Китайцы должны быть благодарны русским за эту дорогу, – отозвался барон Таубе.

– М-м-мм, – пробурчал Зверев, криво улыбаясь.

Вдоль полотна дороги, через три-четыре километра, красовались маленькие крепостцы железнодорожной охраны, построенные для защиты от хунхузов, налеты которых все еще продолжались.

За Сунгарийским мостом, на большой равнине, сказочно быстро рос шумный Харбин. На реке у пристаней стояло десятка полтора красивых речных пароходов, курсирующих по Сунгари и Амуру от Харбина до Благовещенска, Хабаровска и Николаевска. Жизнь в Харбине была ключом. В огромные плоскодонные баржи грузили пшеницу, бобы, бобовое масло, ячмень, яйца. Непрерывно дымили трубы мукомольных мельниц. На станциях продукты были баснословно дешевы. Край поднимался к жизни.

Сутолока Харбинского вокзала ошеломила Тихона. Густая толпа китайцев жужжала на перроне. Сквозь нее трудно было пробраться. У него то и дело вырывали чемодан с предложением довести до гостиницы.

– Тихон, Тихоня! – услышал Подковин позади себя женский голос. – Куда ты торопишься?

– Валя!

Подковин покраснел и опустил глаза. Ему стало радостно, и в то же время что-то смущало его. Он растерялся.

– Да здравствуй же! – Валя схватила Тихона за свободную руку и поцеловала в щеку. – Не ожидал? Фима молодец, телеграфировала.

Поставив чемодан, Тихон взял Валю за руки, посмотрел в ее глаза:

– Здравствуй, Валюша!

– Ах, боже мой, как я соскучилась об Иркутске... Ты совсем изменился. Китель тебе идет.

Подковин взглянул на судейских чиновников.

– Тебе нужно переговорить с секретарем! Пойдем вместе.

Делюсто был удивлен. Валя познакомилась с ним и заявила:

– Сегодня отпустите Тихона Степановича к нам. Мы были друзьями с его сестрой, когда я жила в Иркутске. Завтра утром он явится к вам, куда укажете.

– Я очень рад. Завтра он может найти нас в гостинице «Дальний Восток».

В то время как члены судебной палаты садились на грязные извозчичьи пролетки, Валя с Тихоном прокатили мимо них на паре выхоленных лошадей, запряженных в новенький экипаж.

– Кажется, наш регистратор? – спросил. Малиновский.

– Да, – засмеялся Делюсто. – Сегодня его встретила дочь местного банковского служащего. Растет парень!..

– Знамение времени! – воскликнул Зверев.

6

Поезд мчался между холмов. Слева высилась зубчатая гора. Спутниками Подковина были военный и два торговца.

– Гора Самсон, – сказал военный. – Скоро увидим Киньчжоу. Сильнейшая позиция! А вот и первые укрепления Квантунского полуострова, видите – пояса окопов.

Слева расстилался Талиенванский залив. Утро было тихое. Море манило к себе, и Подковину не хотелось думать о войне и укреплениях. Он был полон впечатлений от пережитого в Харбине. И в то же время какая-то неловкость смущала его. Ему казалось, что в Харбине, в присутствии Вали, он делал и говорил не то, что нужно.

«Вот, кажется, люблю – и вдруг столько сомнений! Боюсь я ее, не верю ей и поэтому не могу полюбить. Но милей нет и не найти. Скоро расстанемся навсегда. Для нее я игрушка, безнадежный разночинец...»

На вокзале в городе Дальнем к Подковину подошел незнакомый русский мужчина.

– Честь имею представиться – Александр Петрович Лыков. На все время вашего пребывания здесь вы мой гость. Я выполняю приказание Иновых. Вот телеграмма, в которой описаны все ваши приметы... Бой! Возьми чемодан!.. Вероятно, требуется оповестить ваших сослуживцев? Пойдемте!..

Держа под руку Тихона, Лыков провел его между вагонами к невзрачному зданию вокзала. Кругом валялись обломки кирпича, шпалы, балки, бочки с цементом. Было жарко и пыльно. Расталкивая прохожих, к Лыкову подбежали рикши.

– Позвольте. Я дойду пешком, – сказал смущенно Тихон, увидев полуоголенного человека, который покорно, навтыяжку стоял около ручной коляски.

Вечно и неизменно одна и та же история со вновь приезжающими, – усмехнулся Лыков. Стараясь быть как можно более учтивым, он взял Подковина под локоть и усадил его в коляску. Толпа почтительно раздвинулась. Извозчики и привокзальный рабочий люд знали Лыкова как богача самодура; подвыпивши, он не уступал дороги крупным местным чиновникам.

– Вот это моя хата, – сказал Лыков, указывая на особняк. – Домик приличный, а здесь чертовски дешево мне стал. Рабочих рук с избытком.

В прихожей Лыкову и Подковину низко поклонилась высокая стройная японка в богатом наряде. Она присела так низко, что коснулась коленями пола. Подковин невольно попятился назад.

– Проходите, Тихон Степанович. Знакомьтесь... Моя хозяйка. Саша-сан.

Японка еще раз поклонилась Подковину и, выпрямившись, протянула руку:

– Здравствуйте.

Гость взглянул в лицо женщины – оно было прекрасно. Приседая и пятясь назад, Саша-сан ввела Тихона в гостиную и усадила в мягкое кресло.

– Курите?

– Нет, я не курю.

– Ю ар нот смокинг... Вы не курите?.. – удивленно сказала женщина. – Да, да, я забыл, русский очень многие не курящие... Это хорошо.

– Бой! Приготовь капитану батс [1 – Батс – ванна.] – крикнул Лыков и обратился к Тихону: – Ты – мой друг, давайте говорить сразу на «ты». Примешь ванну и одевайся в то, что тебе дадут. А мундир повесь в гардеробе. Не люблю в домашней обстановке мундиров. Смотришь, это, на него и думаешь: обобрать, каналья, пришел. А у тебя и пуговицы судебного исполнителя...

Обедали в столовой по-европейски, но в халатах и туфлях. Саша-сан сидела на месте хозяйки и искусно – мимикой и жестами – командовала слугами.

Японку, да еще так близко, Подковин видел впервые. Ее узкое лицо, окаймленное густыми волосами, слегка матовая кожа и яркие черные глаза были обаятельны.

– Кушайте, пожалуйста, суп, а завтра русский щи варить будем. О, это очень крепкая пицца! Лыков-сан всегда кричи: щи, давай щи!

Японка звонко засмеялась, Белые зубы, точно перламутровые, блестели.

«У каждого народа, есть прекрасные женщины», – подумал Тихон.

– Иркутска большой город? – спросила Саша-сан.

– Большой и красивый. Там протекает быстрая река Ангара.

– Ан-га-ра-а-а, какой звучный слово! – певуче сказала Саша-сан.

– И Байкал. – лучшее в мире озеро, – вставил Лыков. – Велика ты, матушка-Русь... Саша, перед жареной курицей надо выпить. Налей нашему министру коньяку,

– Я коньяк не пью.

– Не пьешь?.. Так нельзя! У нас и задушевной беседы не получится. Выпить следует. Так чего ж вместо коньяку?

– Рябиновки

– Чудесно. Любимый Сашин напиток. Саша-сан, наливай скорее себе и ему. А мне коньячку.

Лыков, приподнимая рюмку, покосился на Тихона и, чуть прищулив один глаз, стал бесцеремонно рассматривать его.

– Не пьешь и не куришь... Это хорошо, сказал бы мой отец. Вот с кем бы тебе увидаться. Чудеснейший старик!.. —

Подковин перевел взгляд на японку. Она напряженно прислушивалась к разговору.

– Моя Саша все хочет изучить и знать, – усмехнулся Лыков. – Любопытная натура... Пейте, а после обеда на боковую...

Подковин лег на диван, но не мог уснуть. Скоро в доме все стихло. Повертевшись с боку на бок, он встал и вышел, в переднюю. Дверь коридора, ведущего во двор, была приоткрыта. Осторожно ступая по мягкому половику, Тихон приблизился к выходу и взглянул на крыльцо. Китаец и китайчонок держали полу его кителя и внимательно рассматривали пуговицы, стараясь по-видимому, понять знак, вытесненный на них.

Подковин попятился назад, а затем, громко шлепая туфлями, распахнул дверь. Китайчонок начал тереть сукно щеткой, а старый слуга-китаец равнодушно раскуривал трубку.

«Наши ведомственные пуговицы вызывают глубокий интерес. Помнится, и Саша-сан очень внимательно, на них смотрела», – подумал Подковин и сказал китайчонку:

– Я хочу одеться.

– Сейчас, капитана...

В городе Дальнем проводились спешные работы. Залив был заполнен торговыми кораблями. Только один, военный крейсер выделялся среди них своими высокими трубами и белой окраской. Город был окружен голыми желтоватыми холмами. Тонкая завеса пыли висела над ним. Пыхтели краны у набережной, свистели паровозы, подталкивая к пристани вагоны. Тихон долго не мог оторвать глаз от океанских пароходов с зелеными бортами и белыми каютами. Из труб, лениво поднимался дым. Мелкие катера шныряли по заливу и бухте...

Город представлял собой нечто достопримечательное в архитектурном отношении. Его каменные постройки, возведенные в готическо-китайском стиле, с вычурными фасадами, были далеки от современного архитектурного ансамбля. Наблюдающим с горы могло показаться, что перед ними театральные декорации. Многогранные остроконечные крыши с серою черепицей, унизанные по всем граням цементированными гребнями и китайскими изваяниями, сильно выступавшие слуховые окна, также украшенные изображениями драконов и других мифических животных, колоссальные дымовые трубы, принаряженные на китайский образец, высо-

кие щипцовые стены – все это уносило в мир фантазии. Пестрота резала глаза. Чувствовалось, что у строителей не было серьезного отношения к тому делу, которое им было поручено. Они чурались русской самобытности даже в тех случаях, когда отечественные приемы зодчества, не нарушая красоты улиц, могли дать значительную экономию.

Подковин поднялся на ближайшую гору, и сердце его радостно забилося. Картину морского берега он видел впервые. Большие и маленькие мысы уходили в синюю даль. Гора Самсон упиралась в облака. Рыбацкие лодки покачивались на волнах. Вдали, на горизонте, дымили три парохода. Повернувшись лицом к Порт-Артуру, Подковин старался разгадать, где же там крепость, но ничего, кроме цепи холмов, не увидел.

– Капитана! – вдруг услышал он голос китайчонка.

Это Лыков послал за Подковиным боя. Сам он стоял внизу, под горой.

– Забиваем миллиончики, – сказал он Тихону, протягивая руку в сторону Дальнего. – Маньчжурия – настоящая сокровищница. Тысячи возможностей... А ты мне нравишься. Не уснул после обеда, не утерпело русское сердце. Да, надо любоваться новыми приобретениями и радоваться... Ваши судьи, я навел справки, собираются провести вечер в ресторане. Ну, а мы дома. Не люблю ресторанных кутежей. Разве когда по делу...

– Деньги-то на крепость правильно расходуются?

– Ах, вон о чем ты думаешь. – Лыков взял за руку Тихона и заглянул ему в глаза. – Скажу тебе, что тут много беспорядочного и, понятно, есть злоупотребления. Глаз и глаз нужен. Между нами говоря, крепость строится медленно...

Сумерки сгущались. На востоке небо потемнело. Пробежал ветер. На кораблях вспыхивали огни. За гору Самсон зацепилось огромное облако, свисая белыми ключьями в ущелье. Квантунские горы окутывались в темно-желтую дымку. Шум в городе затихал.

Тихон не узнал гостинной. Она была украшена бумажными фонариками и легкими японскими ширмами. Посредине комнаты на ковре стоял столик на низких ножках. Лыков лег на подушки. Саша-сан встретила Подковина низким поклоном:

– Садитесь. Мы будем кушать по-японски.

– Сейчас выпьем как следует. Не отказывайся. Рябиновка бодрит только, с нее не опьянеешь, – сказал Лыков.

В комнатах было тихо. Подковин с удовольствием ел длинную лапшу, круглую, вроде макарон, называемую по-японски «удон», и «скияки» – особенно вкусно приготовленное мясо курицы.

– У японских женщин – тонкое обращение. Ни капризов, ни требований. А какие чистюли!..

Тихон взглянул в глаза японке. Ее веки приподнялись только на мгновение.

– Откровенно говоря, я не предполагал, что в Японии есть такие красавицы.

Хозяин разразился громким смехом.

– Их там до черта и на любой вкус. Когда ко мне по этому «женскому вопросу» приходил японец-комиссионер, то я сказал ему: первое – стройная и высокая, второе – продолговатое лицо и маленький рот, третье – нос прямой и узкий, четвертое – чтобы не скуласта... Записав мои требования, японец процедил сквозь зубы: «корошо», а через десять дней на пороге своего дома я увидел прекрасную Сашу-сан. Как видишь, заказ был выполнен в точности. Здесь с приобретением хозяйки очень просто... Оставайся! Дело найдем. И ты по контракту обабишься.

– По контракту?

– Замечательный обычай. Подписали бумагу на год или на два – и живите. Мне Саша-сан очень дешево стоит: двести сорок рублей в год. А я за десяток тысяч иен не отдам ее. Правда, Саша?

Японка улыбнулась и слегка провела рукой по прическе.

– Готовит вкусно, говорит по-русски и по-английски. Она мне все бумаги с иностранцами оформляет, за переводчика служит. Играет на японских тринкалках. Деликатная душа!.. Перемены в моих настроениях она в один миг улавливает. Подожди, за кофе я тебе все разьясню.

Лыков лег на спину, вытянулся и сказал:

– Позови еще девушку. Пусть потанцует...

После ужина он начал пить ликер, подливая его то в чашечку японки, то в рюмку Тихона. Лыков улыбался и часто гладил по щеке свою содержанку.

– Экономика – большое дело! – подмигивая Тихону, говорил он. – У Японии сейчас всего-навсего один товар для экспорта – женщины. Мосуме [2 – Мосуме – женщины.] вывозятся в иностранные публичные дома.

– Дикость! – воскликнул Подковин.

В эту минуту вошла маленькая, красивая, с пухлыми щеками японка и, упав на колени посередине комнаты, низко поклонилась.

– Кон-бан-ва, моя весна, белый цветок вишни, – приветствовал ее Лыков. – Иди сюда, я загляну в твои глазки. Ты стройна и гибка, как молодая березка... Познакомься. Это – Тихон-сан, наш будущий солдат.

– Сордата? – удивились женщины.

– Да, солдат... Путь он знает, что воевать в Японии будет не скучно. Там много-много очаровательных мосуме.

– Зачем война?

– Ха-ха-ха-ха... Я напугал вас? Нет, это не солдат, а будущий министр юстиции. У нас на этот счет скоро...

Пока хозяин разглагольствовал, гостья про себя твердила: министр юстиции, министр юстиции...

– Садись к нему ближе, и он увидит, что у тебя самые изящные ножки и самые тонкие пальчики в мире.

Японка ползком приблизилась к ногам Тихона. Он с отвращением отвернулся.

Хозяин, словно ничего не замечая, продолжал:

– Моя Саша-сан – бережливый человек... Честно работает, а скопит тысячи полторы иен – бросит меня, уедет на родину и станет плодovитой матерью...

– Врешь. Не надо мне твои деньги. Я буду служить тебе и твоей жене всю жизнь. Ты злой!..

Из-под ресниц Саша-сан показались две крупные слезы.

– Какое искусство! Разыгрывает влюбленную!..

– Тихона-сан! – воскликнула японка. – Я люблю его, а он не верит. Мое сердце болит, болит... Когда делали контракт, то я думала – он старик. Меня заставили... Нас многое заставляют делать... Без него я убью себя.

Саша-сан зарыдала. Гостья, придвинувшись к ней, обняла ее. Подковин молча разглядывал японок.

– Как ты смотришь на мою домашнюю жизнь? – пытливо спросил его Лыков.

– Баловство, – процедил сквозь зубы Тихон. – Сплошное похмелье у вас. Ведь можно жениться и на русской девушке...

– В точку сказано!.. – Лыков потрянул головой, – На Руси много невест. И в моем глазомере они есть. Например, Валя Инова.

Тихон вздрогнул, выпрямил ноги и подтянул под бок подушку.

– Прекрасный человек, редкая девушка, красавица.

– Вот и сватались бы, – почти со злобой сказал Подковин.

– Бесприданница! Отец – служащий. Сколько с нею? Какая-нибудь тысяча, много – две.

Подковин рассмеялся.

– А про человека-то опять забыли? Да ей цены нет!..

Хозяин приблизился к гостю, чтобы налить ему ликеру.

– Оставайся здесь. Мы наворочаем с тобой делов. А осенью женишься... У меня есть невеста. Дочь миллионера. Молодая, красивая, интересная, образованная. Такая же музыкантша, как и Валя. Ищет себе в мужья молодого чиновника, а не купеческого сына.

– Осенью мне на призыв, – уклончиво ответил Тихон.

– А-а-а... жаль, – протянул Лыков. Взор его потускнел, на лице отразилась усталость.

Во все время разговора мужчин Саша-сан зорко следила за Лыковым. Заметив резкую перемену в его настроении, она присела к нему и тихо спросила:

– Ты что? У тебя какое-то дело плохо прошло? Не удалась сделка?

– Да, милая Сашенька. Сорвалось. Нашел человека, вот, кажется, твой – и нет его, – сказал упавшим голосом Лыков. – Досадно... Давай, милочка, сыграй, а Вишня-сан станцует.

Тихон недоумевающе смотрел на японку и Лыкова. Саша-сан приготовилась подняться, щеки ее были покрыты румянцем. Увлажненные глаза смотрели мягко, а в углах губ залегла добрая улыбка. Тихон потянулся к Саше-сан, а она стала около него во весь рост, поправляя кимоно.

«Нет, это редкая красавица», – подумал он, и, когда Саша-сан отошла от столика, он повернул голову к Вишне.

– Боже мой, как намалевана, – шепнул он себе под нос и едва удержался от брезгливой гримасы.

Саша-сан стала играть на японской гитаре. Дребезжащие, унылые звуки какого-то разорванного на мелкие куски мотива ударили по сознанию Тихона, но не раздражали. Он силился уловить мелодию и не мог.

«Как дым ощутима, а неувима», – подумал он.

Лыков подлил себе коньяку. Тихон пил ликер. Вишня— сан танцевала, медленно разводя руками и покачивая телом. В слабом освещении бумажных фонарей японка, одетая в длинное голубое, с крупными белыми цветами кимоно, казалась подвыпившему Тихону воздушной, случайной. Танец и музыка утомили его.

«Красота у японцев все-таки есть: в музыке, в танцах... Но не в нашем характере они. У русских при пляске человек ходуном ходит... Варю бы им сюда», – мелькало в голове Тихона.

От ликера ему стало вдруг дурно. Он вскочил и выбежал в коридор. При его появлении от вешалки отошло три человека: слуга-китаец и двое незнакомцев. Китель Подковина с развернутыми полами покачивался.

– Что за чертовщина... Как они любят медные пуговицы!

Слуга подхватил Подковина под руку и вывел на крыльцо. Прохладный ветер овеял лицо Тихона, и у него закружилась голова. К нему подбежала Вишня-сан со стаканом сельтерской воды. По знаку Лыкова она повела Тихона в приготовленную ему комнату.

– Будем спать, мой русский богатырь, – сказала она.

У двери Подковин остановился и поставил Вишню-сан против себя.

– Я очень благодарен тебе, Вишня-сан, за танцы и ласку.

Японка прижалась к груди Тихона и, легонько толкая его в комнату, шептала:

– Я люблю тебя, мой богатырь... Ты очень сириный. Я люблю сириный, крепкий...

– Спасибо, до свидания... Иди домой спать, иди домой.

Девушка только сейчас поняла, что молодой мужчина отстранял ее. Смутившись, она опустила голову и, втянув в себя воздух, пробормотала:

– Сай-о-нара, кон-бан-ва...

Как только Лыков и Тихон заснули, обе женщины удалились в гостиную, захватив с собою китель Подковина. Опорожнив карманы, они начали рассматривать бумаги. Саша-сан, обмакнув кисточку в тушь, красивыми иероглифами записала на тонкую бумагу:

«Паспорт Тихона Степановича Подковина, крестьянина Нижегородской губерн., Лукояновского у., Маресевекой волости, села Малой Поляны. Министр юстиции».

Глава вторая

1

В ноябре 1903 года Подковину предстояло тянуть жребий на выполнение воинской повинности. Он был лобовой. Льготу по семейному положению в его семье получил брат, который был старше Тихона на четырнадцать лет. По закону того времени, старший сын оставался в помощь родителям для прокормления и воспитания малолетних детей. В семье Подковиных их было трое: Тихон, его младший брат и сестра.

Очень часто рекруты по последним номерам жеребьевки оставались не взятыми на военную службу. В том году, когда призывался Подковин, в городе Иркутске подлежало сбору 320 человек, а в воинские части требовалось 260 человек, следовательно, шестьдесят юношей могли рассчитывать остаться. Билетики с малозначными цифрами вытягивали и слабогрудые, и близорукие, и одержимые разными болезнями. При медицинском освидетельствовании дефективные выпадали, а вместо них брали здоровых, хотя бы и имевших на руках дальний жребий, выше двухсотшестидесятого. Кроме того, каждый год были и запаздывающие, и скрывающиеся от воинской повинности.

Тринадцатого ноября новобранцы собрались в большом зале городской думы. При проверке оказалось, что двадцать три человека на жеребьевку не пришли. Потом их отыщут, накажут и отправят служить, соответственно освободив взятых с высокими номерами. Но когда-то это будет, а сегодня настроение молодежи было понижено: мало оставалось счастливых номеров.

С новобранцами пришли их родственники. Они страстно обсуждали всякие возможности освободиться от военной службы.

Раздался звонок. Через минуту в зале наступила тишина. Председатель призывной комиссии, седой человек в пенсне, улыбаясь, пригласил новобранцев подходить к урне и дал знак писарю.

– Архипов! – раздалось в зале.

Все притихли. Из гущи собравшихся вышел белокурый парень. Шаги его звонко прогудели на ступеньках помоста. Он тяжело дышал. Пот крупными каплями выступил у него на лбу. Засучив рукав, парень запустил руку на дно урны и вынул свернутый трубочкой билет. Рука его дрожала.

– Поднимите билет выше и разверните его, – сказал председатель.

Вдруг лицо парня просияло, и он весело, но все же хриплым голосом, крикнул:

– Двести восемьдесят второй!

– Молодец! – шумела публика под дружные аплодисменты.

Подковин волновался. Ему не понравилось поведение Архипова. «Твердым шагом, спокойно, четким голосом», – внушал Тихон себе. Зал снова замолк.

– Скажите ваш номер, – услышал Подковин и взглянул на помост.

Возле урны стоял высокий, кудрявый, в новой поддевке парень. Кисти пояса, которым была опоясана бордовая шерстяная рубаха, болтались у голенища лакированного сапога. Губы рекрута тряслись, и он, захлебываясь от слез, пролепетал:

– Третий-й-й...

– Громче! – кричали присутствующие.

– У него третий номер, – сказал председатель.

– В гвардию молодца!

Парень отошел от помоста.

– Подковин!

«Рытться или не рытться в урне», – думал Тихон, шагая к помосту. Он взял билет с верхнего слоя и быстро развернул его.

– Тринадцатый! – крикнул Подковин.

Раздался громкий, всеобщий смех.

Счастливый номер! Молодец! Не пропадешь! Ей— богу, не пропадешь, – говорили Подковину, когда он спустился с помоста.

2

Вечером, чтобы не слышать причитаний матери, Тихон ушел к Березкиным.

– Ну, что? – в один голос спросили его Варя и ее мать. Подковин остановился у двери и выкрикнул:

– Счастливый!

– Счастливый? – переспросила Варя и, положив работу на стол – она была занята шитьем, – встала.

Тринадцатый, – ответил Тихон.

Брат Вари, Костя, схватившись за бока, громко захохотал.

– Чего разошелся, дурень? – заворчала мать.– Тихон – лобовой, номер у него ближний, не миновать ему солдатчины.

Старуха Березкина отвернулась к плите и подняла угол передника к глазам. Ее сутулая фигура вздрагивала.

– Бедная Евдокия Ильинична... Пойду, к ней.

– И я с тобой, – сказала Варя.

Мать Подковина сидела за столом с заплаканными глазами. Варя подбежала к ней и обняла ее за плечи.

– Ничего плохого не будет. Тихон вернется со службы целехонек.

Ласка девушки успокоила Подковину. Старуха любила Варю больше других подруг Фимы. Все еще всхлипывая, она говорила:

– Бог услышит молитвы матери. Понятно, он вернется... Но сердце человеческое изменчиво. Забыть друг друга недолго...

Варя вздрогнула. Последние слова Евдокии Ильиничны как бы обожгли ее. Ей хотелось крикнуть: «Нет, нет, со мной этого не случится. Я знаю цену любви».

Глава третья

1

В казарме полумрак. Около серых стен, особенно в углах, висела мгла. Было холодно. Лампа, подвешенная под аркой, светила тускло.

Подковин проснулся от толчка в бок.

– Вставай, сапоги надо чистить, – услышал он голос своего соседа.

Откинув одеяло, он сел на койку и взглянул на соседа. Новобранец тер щеткой сапоги, но нужного блеска не получалось.

– Ты надень сапоги и походи. Как только они согреются, потри щеткой.

Было около шести часов утра. Во второй половине казармы еще спали: там были старые солдаты, и забота о сапогах, по-видимому, уже не беспокоила их.

– Письмо бы мне на родину написать, – сказал сосед Подковину, когда с сапогами было покончено. – В деревне я за других расписывался, коли бумага какая приходила. Могу читать написанное, а вот письма не сложу. Недоучился, – тяжело вздохнул парень.

– Поднимайся! – раздалась команда дежурного. – Выходи на поверку!

Казарма загудела. Воздух еще больше насытился запахом прелого сукна и конского пота. Солдатская одежда пропахла лошаадьми. У каждого ездового – по два коня, которых он чистит ежедневно.

Новобранцы вышли на середину казармы и построились вдоль нее в один ряд. Одежда на всех была еще домашняя. Лампа скупо освещала их озабоченные лица. Большие красные руки солдат неуклюже висели вдоль туловищ. Подошли дядьки.

– Мотин, почему сапоги не чистил?

У Мотина голенища сапог отпотели: минуту назад он вернулся из уборной.

– Только сейчас, как встал, почистил, – испуганно ответил Мотин.

– Не разговаривать!.. Пройдись вдоль строя гусиным шагом.

Мотин покраснел и вышел из строя. Он присел на корточки, уперся руками в бока и, не поднимая туловища, двинулся вдоль казармы, выкидывая то одну, то другую ногу. За Мотиным было послано еще десять человек. Наказанные вернулись на свои места с глазами, налитыми кровью. Они тяжело дышали и, наклоняясь, терли колени.

После поверки и молитвы молодых солдат рассадили по койкам для занятий «словесностью».

– Прикшайтис, читай «Отче наш», – услышал Подковин. Прикшайтис – литовец. У него маленькое лицо с острым носом, а глаза – с покрасневшими веками.

– Отче нас, – моргая, проговорил Прикшайтис и остановился. Губы его шевелились, пальцы вытянутых рук судорожно сжимались в кулаки, уши покраснели, но слов не было слышно.

– Дальше! – крикнул дядька.

– Иже веси на небеси, – обрадованно воскликнул новобранец.

– Что-о-о! Опять «веси»? – заорал дядька. – Пятнадцать дней мучаюсь, а ты и пяти слов не выучил как следует!

Лицо Прикшайтиса покрылось белыми пятнами, он сморщился и зажмурил глаза.

– Чего жмуришься?

Но Прикшайтис по-прежнему стоял с закрытыми глазами, он только больше вытянул шею по направлению к своему учителю.

– Так и просится на оплеуху...

Учитель подошел к нему вплотную и наотмашь ударил по щеке. Прикшайтис покачнулся, но устоял. По лицу новобранца потекли слезы.

Тихона душила злоба. Он вскочил, но вспомнив слова из воинского устава, первые страницы которого он бегло пробежал вчера, – «Жалобы на начальника можно приносить единолично и только за себя», – беспомощно опустился на койку и отвернулся от несчастного литовца.

2

В десять часов утра в казарму пришел капитан Али-Ага Мехметинский, старший офицер батареи. На крупном продолговатом лице капитана торчал горбатый нос. Голова у него лысая, густые усы лежали пышно, брови приподняты, карие глаза на этот раз отражали усмешку. Маленькие руки с тонкими белыми пальцами капитан держал за спиной. Поздоровавшись, Мехметинский крикнул:

– Антонов Валентин Павлович.

– Я, – отозвался один из новобранцев.

– Ты малограмотный?

Солдат что-то пролепетал в ответ, и капитан вызвал Морозова.

– Ты также малограмотный. Что же это такое? Из большого города, а малограмотных прислали. Почему вы не учились?

Морозов густо покраснел.

Мехметинский ходил вдоль строя и, ласково улыбаясь, вызывал новобранцев по фамилии, имени и отчеству, хотя в руках у него не было списка.

– А мы-то ждали вас и думали: сибиряки не подведут... Та же неграмотность, что и в прибалтийских губерниях, и в центральной России. Нехорошо. Артиллерист должен быть крепко грамотным...

Лицо капитана стало серьезным. Его щеки несколько обвисли, но глаза по-прежнему блестящие. Разговаривая с новобранцами, он прищуривал их.

– Держи голову прямо и приподними правое плечо, – сказал капитан Подковину. – Ты долго работал в судебной палате? Два года? А до этого работал где-нибудь?

– Был приказчиком. А основное мое занятие – рыбак.

– Хороший у тебя почерк?

– Я, ваше высокоблагородие, писарем не хочу.

– Посмотрим. Кого же писарем сделать? Сам видишь. И писаря нужны... Абрамович Моисей Иосифович! Ты мастеровой, слесарь?

«Вот память так память. Прочитал раз список и всех помнит», – подумал Подковин.

– Хорошие слесаря нам нужны. Что же ты можешь делать?

– Швейные машины умею починять, замки новые делал.

– К пушке замок новый сделаешь?

– При инструменте – все можно.

– А новую пушку сделаешь? – желая развеселить солдат, спросил капитан.

– Давайте инструмент и помещение, я вам и пушку сделаю. Только с одной возиться невыгодно.

– Дельно сказано, – рассмеялся капитан. – Мы тебя в арсенал пошлем. Веревкин Матвей Карпович... Извозчиком был? Лошадей знаешь? Таких-то нам и надо. Быть тебе ездовым. Хороших лошадей тебе пару дадим. Малограмотный?.. Если ученье быстро охватишь, то старшим фейерверкером будешь. И верховой конь будет у тебя, и целым взводом будешь командовать... Н-да... Грамота у вас слаба, ребята.

Двадцать новобранцев ушли к своим койкам. Сегодня они освобождены от общей учебы. День был ясный и морозный... Через большие окна, обледеневшие внизу, солнце освещало внутренность казармы. Посредине ее, между чугунных колонн, поддерживающих потолок, – широкий проход вдоль всего помещения. По бокам, у стен, в несколько рядов стояли койки канониров; в углах, где было попросторнее, помещались старшие и младшие фейерверкеры. В проходе группами маршировали молодые солдаты. Слышались топанье и возгласы взводных.

Перед обедом, освободившись от занятий, к Подковину подошел его сосед.

– Напиши мне письмецо-то. В Орловскую губернию...

– Хорошо, напишу. Как твоя фамилия?

– Коневязов.

– Мы с тобой вот так договоримся: ты делай свое дело, а я напишу.

– Как же без меня-то?

– Ладно. Не мешай. Напишу, тогда и поговорим.

Через полчаса Подковин позвал его.

– Вот письмо готово. Прочитай-ка его вслух.

Сначала запинаясь, а потом довольно бойко Коневязов прочел:

«Любезные мои родители! Во первых строках сего письма прошу Вашего благословения, которое будет ненарушимо по гроб моей жизни, и горячо целую вас, а еще с любовью низко кланяюсь. Шлю свой поклон дедушке и бабушке, братцам и сестрицам, и дядьке моему с тетушкой, и дражайшей моей супруге горячий поцелуй, а я ей напишу отдельное письмо. Пусть любит вас всех и будет вам родной дочерью.

Всем я вам сообщаю, что здоровье мое пока, слава богу, хорошее и ученье мое солдатское идет своим порядком. А живу я теперь в городе Нерчинске в казарме, и всего нас, молодых солдат, прислали сюда в батарею только с наших краев восемьдесят человек.

Ехали мы очень долго, двадцать пять дней, и все Сибирью. Вот где просторно! Городов и сел мало, а все больше горы и густой лес. В горах тех золото копают, а по лесам пушного зверя бьют. Житель здешний, видать, в избытке. Дома бревенчатые, под тесовой крышей. Кругом, даже в лесу, изгороди, и домашнего скота много.

Забайкалье, где мы теперь служим, тоже богатая сторона, но уж больно студеной и бесснежной. Выйдешь на двор – и сапоги замерзают, и голенища у них сразу точно деревянные. Больше пятидесяти градусов бывают морозы.

Забайкальские крестьяне (их здесь зовут гуранами, а то есть еще староверы сосланные) занимаются хлебопашеством и скотоводством. Рогатый скот у них мелкий и немолочный. Хлеб едят ржаной и пшеничный.

Хотя мы и ехали от Орловской губернии до Нерчинска долго, но до конца России не добрались. Можно сказать, отсюда начинается и река Амур, которая больше трех тысяч верст длиною, и в ней пропасть разной рыбы.

Еще раз желаю всем вам доброго здоровья. Напишите мне подробное письмо».

Новобранец кончил и сказал:

– Хорошо.

– Нет, не совсем хорошо, – остановил его Подковин. – Садись и перепиши своей рукой все письмо, да не забудь имена и отчества поставить. Когда будешь переписывать, то больше своих слов вставляй...

3

Через неделю Подковина вызвали в канцелярию батареи и поручили ему переписку ведомостей довольствия. Старший писарь в первый же день сказал ему:

– Прочти уставы воинской службы, и ты будешь знать словесность лучше своего дядьки, да, пожалуй, и фельдфебеля.

Каждое утро, до девяти часов, Подковину все же приходилось быть и на занятиях словесностью. Его коробили ненормальные отношения между учителями и новобранцами. Во всей казарме не было ни одного вдумчивого дядьки, который бы любовно передавал свои незначительные знания по уставу строевой службы. Все они были с грубыми, словно окаменевшими, лицами. Только злоба отражалась в их взглядах. Они говорили или кричали хриплыми головами.

Дядька того десятка, в котором числился Подковин, имел одну «лычку» на погонах, то есть был бомбардиром. Только этой лычкой он и отличался от остальных.

Вначале дядька круто взялся за Подковина: заставлял делать прыжки, повороты, опрашивал о чинах и именах ближайших начальников. Все его требования, не выходящие из рамок программы обучения молодых солдат, Тихон выполнял быстро и отчетливо. Но по лицу дядьки было видно, что он все-таки недоволен. В его приказаниях сквозило желание выставить Подковина перед всем строем в смешном положении, и Тихон насторожился. Впоследствии оказалось, что дядьки и фейерверкеры не любили грамотных подчиненных, а Подковин для казармы был «белой вороной».

Недоброжелательность дядек к Тихону усилилась после первых дней пребывания его в канцелярии. Они следили за ним, прислушивались к его разговорам с товарищами.

Однажды, по заведенному порядку, все встали рано утром, начистили сапоги и заправили постели. На дворе стоял сорокаградусный мороз. Окна промерзли снизу доверху. Несмотря на все старания новобранцев, сапоги их не получали надлежащего блеска.

Обучение в строю вел младший фейерверкер Осипов – отделенный начальник четвертого взвода.

– Смирно! – скомандовал дядька.

Отделенный, выпятив грудь, подошел к шеренге молодых солдат.

– Здорово, ребята!

– Здравия желаем, господин отделенный!

Младший фейерверкер быстро прошелся вдоль строя.

Новобранцы не спускали с него глаз. От правого фланга он повернул обратно и наспулся, устремив взгляд на ноги солдат.

– Почему сапоги плохо вычищены? Лодыри! Рассчитаться на первый-второй!

Прошло полминуты.

– Первые – направо, вторые – налево!..

Солдаты повернулись и очутились лицом к лицу.

– Ударьте друг друга по щекам!

Подковин получил пощечину от солдата, стоявшего напротив, но его бить не стал. Отделенный подскочил к Тихону:

– Бей!

Тихон по-прежнему стоял, вытянув руки по швам.

– Направо! Два шага вперед!

Подковин вышел из строя.

– Коневязов, иди сюда! Ударь Подковина.

Тот-ударил слегка.

– Бей сильнее! – скомандовал фейерверкер.

Коневязов ударил сильнее. Подковин сказал:

– Господин отделенный, доложите взводному о моем избиении в строю.

– А, ты жалуешься?!

– Да, я буду жаловаться и требовать, чтобы вы были наказаны.

– Почему же ты не бил своего соседа, раз я приказываю? – хрипло спросил фейерверкер,

– Я знаю, что ваше приказание незаконно, а следовательно, стал бы отвечать вместе с вами. Зачем мне это?

Наступила тишина. Все вытянули шеи. Отдельный побагровел.

– Что будет мне, если я закачу по уху покрепче?

Приподняв плечи, отделенный подошел к Тихону и поднял правую руку.

– Лишитесь звания и попадете в дисциплинарную роту, – громко ответил Подковин, обрадовавшись вопросу.

Рука фейерверка опустилась, и он отступил шаг назад.

– Доложите подробно! – выкрикнул Тихон.

– Ишь, разошелся! Не беспокойся, доложим о твоём неповиновении...

Ученье началось.

Вечером Тихона вызвали к взводному.

– Чего ты, Подковин, хочешь?

– Хочу, чтобы вы доложили фельдфебелю о моем избиении в строю.

– Но виновен ты, потому что не исполнил приказание начальника.

– Вы, господин взводный, разрешаете бить солдат?

– Виновных.

– Тогда, если не откажетесь от своих слов, отвечать будете и вы.

– Это уж слишком... Ступай!

Повернувшись кругом, Тихон взглянул на близидящих молодых солдат. Они одобрительно кивали головами. Уже издали Подковин видел, что его сосед Коневязов сидел как на углях. Он бы вскочил, но боялся выдать свое волнение.

– Так и в уставе сказано? – шепотом спросил он.

– Понятно. Ты никого больше не бей...

– Теперь они сами припухнут. Ты здорово перед строем сказал: как будто только для себя, а польза будет для всех...

Солдаты видели, что в последние три вечера устав не выходил из рук учителей, собиравшихся в кучки. Отделенный Остапов примолк. Занятия словесностью теперь шли без оплеух и гусиных шагов.

Все чаще и чаще на учениях при вопросе: «Кто наш внешний враг?» – проскальзывало слово: Япония. О ней впервые в казарме упомянул поручик Карамышев. Проверая работу учителей, он задавал молодым солдатам вопросы о «внутренних» и «внешних» врагах и сам же отвечал, что внешним врагом на Дальнем Востоке является Япония, которая усиленно готовится к войне с Россией.

Глава четвертая

1

Модест Владимирович Инов в начале января выехал с семьей из Харбина в Дальний для работы помощником директора в отделении Русско-Китайского банка. Маленький город, оригинально распланированный на берегу моря, вначале понравился Вале. Охваченный с одной стороны холмами и заливами – с другой, он не был похож на холодный Иркутск и пыльный Харбин. В нем было много экзотического, и в первые дни он очаровывал девушку. Больше всего ей нравилась прекрасная гавань, заполненная огромными морскими пароходами. Длинный мол защищал внутренний водоем от морской зыби. По улицам, среди своеобразных зданий из красного кирпича, часто собирались оживленные толпы из русских, немецких, французских, американских и английских моряков. Были здесь и негры, выделявшиеся своими курчавыми волосами и высоким ростом, Около китайских лавочек и магазинов раздавались выкрики и ругань на разных языках.

Японцы держались обособленно. На их желтых лицах были сосредоточены злоба и зависть. Гавань, корабли, новые здания и веселых русских моряков они осматривали исподлобья.

Близ берега моря сооружался вместительный театр. Собор, больница и городское управление были уже построены.

С первых же дней своего прибывания в Дальнем Валя подметила, что в городке живут весело, даже чересчур весело и беспечно.

Иновы занимали прекрасно меблированную квартиру. Вся обстановка квартиры принадлежала банку и передавалась в распоряжение вновь прибывающих сотрудников на время их работы в городе Дальнем.

Через две недели после приезда Модест Владимирович давал полуофициальный вечер, на который были приглашены представители города, воинских частей, а также коммерческие дельцы – основные клиенты банка.

Жена Инова, Серафима Прокопьевна, волновалась. Ей хотелось, чтобы первыми пришли семейные сослуживцы, но слуга ввел Лыкова.

– Старый знакомый. Очень рада.

Лыков, мотнув головой, хотел что-то сказать, но пришла группа гостей, и хозяйка поднялась навстречу им. В первые дни приезда Иновых Лыков зачастил к ним. Валя не стала выходить в гостиную, когда там был Лыков.

Один из гостей, поставщик леса, тучный, с отвисшим подбородком и маленькими глазами, поправив свои длинные усы, опросил:

– Что новенького, господа?

– Японцы шевелятся, – сказал поручик Гладышев.

– А крепость вооружают плохо, включая и Киньчжоу, – проговорил капитан в золотых очках, и голос его показался всем несколько пискливым и раздраженным.

– Немыслимо представить себе, чтобы крепость появилась по щучьему велению, – с усмешкой заметил полковник инженерных войск.

– На игрушечный городишко Дальний вдвое больше миллионов затратили, – еще громче выкрикнул капитан. – Между тем место выбрали несуразное. Во-первых – далеко от крепости, во-вторых – устройство гавани требует колоссальных затрат и, в-третьих – раз далеко от крепости, то необходимо поставить и здесь батареи против нападения неприятеля с моря. Одна атака миноносков – и все коммерческие суда, захваченные в торговом порту, лягут на дно залива. Нам нужна крепость как надежное убежище для морских военных судов, а не финтифлюшка вроде города Дальнего.

– Николай Степанович, вы невозможный человек. Вы смотрите на окружающее со своей колокольни... Главная задача русских – коммерческое освоение края. Мы должны показать англичанам, французам, немцам, ну и японцам, что мы заняты на Квантунском полуострове мирными делами.

– Политика, политика... Соразмеряйте, но не увлекайтесь, не забывайте опасности, – не унимался капитан. – Над головой кулак висит, а у вас декорация с надписью «мирное строительство».

– Не следует преувеличивать опасности.

Вошел Модест Владимирович. Хозяин был изящным и приятным на вид человеком. Его округлое лицо с широким лбом оживляли большие светло-карие глаза.

– Здравствуйте, хозяин. Без вас скучновато, – поднявшись из-за стола, сказал Лыков.

– Извините, сегодня я неожиданно задержался в банке.

Почти вслед за Модестом Владимировичем вошли мать и дочь Ласточкины. Таня Ласточкина удивленными глазами рассматривала гостей.

Лыков, наклонившись к своему соседу поручику, шепнул:

– Вот вам, поручик, и первая ласточка.

– Хорошенькая, но непролазная дура. Я знаком с нею. Палец о палец не хочет ударить, а читает только приложение к журналу «Родина».

Таня ушла в комнату Вали. Капитан все еще продолжал спорить с полковником. Поручик подошел к ним.

Инов знал о беспокойном капитане, суждения которого метко попадали в цель. Его недолюбливали.

«Скорей бы Валюта пришла да сыграла бы», – подумал хозяин.

Серафима Прокопьевна вернулась в гостиную в сопровождении Тани и Вали.

– Господа, прошу по стакану чая.

Из-за портьеры появился слуга-китаец в мягких туфлях на высоких подошвах, а за ним – бой с блюдом, наполненным печеньем и сладостями. На слугу и мальчика, одетых в шелковые национальные костюмы, никто из гостей не обратил внимания. Все смотрели на Валю. Ее крупное, продолговатое лицо было строгим. Она улыбалась глазами и этого было достаточно: гости видели перед собой красивую и спокойную девушку. Валя возмужала. Тонкие морщинки легли на ее лоб у переносья. Гости с низким поклоном жали руку девушке. Последним поздоровался капитан. Задержав ее руку, он попросил:

– Валентина Модестовна, сыграйте для нас что-нибудь. В этом городе мы так редко слышали хорошую музыку.

Валя вспыхнула. Слова капитана показались ей первым приемом ухаживания. Не отнимая руки, она ответила:

Что вы? Я же только учусь.

– Очень прошу. Музыка утешает, а я так соскучился по семье. У меня маленькая, востроглазенькая дочка...

– А-а-а, – ласково протянула Валя и пожала руку капитану. – Мы с вами вместе выберем, что сыграть.

Девушка взяла у боя поднос со сладостями – он ждал ее у портьеры – и обошла всех гостей.

Капитан стоял у окна.

– Я хотел бы послушать Чайковского, – сказал он, когда к нему подошла Валя.

– Сыграю, Николай Степанович, но позднее. Мы не знаем гостей... Что вы скажете против «Бури на Волге?»

Николай Степанович одобрительно закивал головой и подумал: «Какая умница, точь-в-точь, как моя Наташа».

Музыкальная пьеса была прослушана в полной тишине, и когда Валя кончила, к пианино подошел Лыков.

– Божественно! Русские мотивы, наши волжские...

Как ваше здоровье, Валентина Модестовна?

Капитан поморщился и отошел в сторону.

Валя взглянула на Лыкова и улыбнулась.

«Дрова и тавровые балки хорошо изучил, а к людям подхода не освоил», – подумала она.

– Сыграйте еще что-нибудь, – выкрикнул поручик. – Вальс Штрауса.

Пока Валя играла, подошли еще гости: директор банка и доверенный местной крупной торговой фирмы «Чурин и К^о» с женами. Модест Владимирович объявил, что сейчас начнутся танцы, и сам сел за пианино. Вечер проходил оживленно. Валя танцевала с Лыковым, поручиком и капитаном, но беседовала исключительно с Николаем Степановичем. Она расспрашивала его о семье, о службе, о крае.

– Мало знаю о Китае и меньше того – о японцах... Краснею от стыда...

В конце ужина мужчины все чаще и чаще стали прикладываться к рюмочке. Лыков покраснелся и оживился. Поручик мурлыкал напев из «Веселой вдовы». Капитан пил коньяк, но сдержанно. Он остановил поручика, который было направился в гостиную.

– Выпьем... Я откопал мартелевский коньяк высшей марки... Занятная штука с лимоном... Девочки пусть сыграют. Отсюда даже лучше слушать.

Валя играла попури из русских песен.

– Вот она, Русь святая! – воскликнул Лыков. – Выпьем за великий русский народ, господа! Что вы там наливаете, капитан? За русский народ – и коньяк? Нет, надо по стакану беленькой!

– Согласен, – сказал капитан. – Русской водки так русской водки...

Все выпили и стали закусывать, а капитан стоял с вытянутой рукой.

– Что же, вы, Николай Степанович? – спросил поручик. Все обернулись в сторону капитана.

– И я выпью. Но разрешьте мне, дорогой Лыков, сказать вам, как русскому человеку и купцу, несколько слов... – Капитан с протянутой рукой, в которой держал стакан, подошел к Лыкову:

– Прогоните японку, которая живет с вами.

– Позвольте. Это – мое частное дело.

– Нет! Это сугубо государственное дело! – выкрикнул Николай Степанович. – В вашем доме не прекрасная мадам для вашего удовольствия, а японский агент.

Лыков густо покраснел.

– Не может этого быть! Она приняла русскую веру.

– Знаю. В Японии на русские деньги содержится фабрика японских шпионов. Она прозывается русской православной миссией.

Поручик попытался одернуть капитана.

– Вы забываетесь, поручик! Я понимаю, что говорю. Со знанием русского языка да с молитовкой куда лучше одурачивать... Нет, это безобразие! – снова выкрикнул капитан, отвечая на недоуменные взгляды гостей. – Своими денежками мы оплачиваем шпионов, у своей груди их пригреваем... Прачки, парикмахеры, бои, портные... Вся эта орава в сотни глаз смотрит, что мы здесь делаем и сколько нас на Квантуне. Попробуй скройся от них и сохрани государственную тайну. Все они – веревочная петля, в которой мы стоим обеими ногами. Придет время, они дернут за ее конец, и мы брякнемся... Во весь рост брякнемся.

Лыков опустил голову. Большинство гостей задумалось, а поставщик леса проговорил:

– Надо налить еще по рюмочке и промыть глаза... Прачек и содержанок испугались. Эка, подумаешь, страсть!

– Вы прохвост! – взвизгнул капитан. – Выходите во двор, я вас выдеру за уши. А то здесь, знаете, при дамах неудобно.

– Что? Что? – захолопал глазами поставщик леса.

– Пойдемте на свежий воздух, – испуганно сказал директор банка и вывел толстяка на крыльцо.

– Я извиняюсь, господа. Но прошу хорошенько вдуматься в мои слова. Не сегодня, так завтра— война, а мы обвешаны услужливыми японцами... Боже мой, когда же все поймут эту опасность!

Голос капитан задрожал. Протерев очки и сделав общий поклон, он ушел.

– Какой невозможный человек! – воскликнули гости.

– Вы не знаете Николая Степановича Резанова, – сказал полковник. – В его словах много правды. Япония растет. Авторитетные военные специалисты не отрицают серьезной опасности. Мой коллега, инженерный полковник Величко, который был командирован сюда для составления проекта крепости, в отчете за 1899 год писал: «Чем более порт Дальний будет развиваться в коммерческом отношении и шире снабжаться всеми портовыми средствами – доками, пристанями, углем и проч., тем более он будет годен к услугам противника... И если противник овладеет портом Дальний и придется встретить его сосредоточение в Артуре, то железная дорога, – соединяющая Дальний с Порт-Артуром, принесет ему огромную пользу и позволит сосредоточить под крепостью значительные осадные средства». Несомненно, торговый порт следовало бы – построить в бухте Голубиной и прилегающих к ней заливчиках. Существовал

проект – соединить каналом западный бассейн Артура с Голубиной бухтой. Тогда, несомненно, получилось бы очень устойчиво.

Шум в столовой заставил насторожиться Валю. Она сидела за пианино и ждала капитана, которому обещала – сыграть одну из его любимых музыкальных пьес.

Подошел, покачиваясь, поручик.

– Никак не ожидал, – рассмеялся он. – У Лыкова японка-шпионка живет. – Поручик, узнав об ухаживании Лыкова за Валею, был оскорблен. – Купеческая распушенность! Разгильдяйство! Лыковщина!..

Валя встала и, обернувшись, строго посмотрела на поручика.

– Где Николай Степанович? Ушел домой? А вы, Игорь Сергеевич, хорошо знаете Лыкова? Я не склонна хвалить его, и все же, прошу вас, не теряйте к себе уважения...

Поручик моментально отрезвел и, схватившись за голову, выбежал из гостиной.

– Какая бестактность! Тихон так бы не поступил, – прошептала Валя.

2

Как только Лыков ушел в гости, Саша-сан уселась за письменный стол и принялась старательно выписывать цифры из железнодорожных накладных и пароходных коносаментов.

«Брусья лиственничные —1200 штук, брусья сосновые— 20 000 штук, балки тавровые – 6000 штук, цемент—1500 бочонков».

– Подобные записи Саша-сан делала спокойно и свободно даже в присутствии Лыкова.

После скандала у Иновых Лыков раньше всех ушел домой. Ему стало грустно и досадно. Над выводами капитана он внутренне смеялся, но сомнение закралось.

Саша-сан встретила хозяина с радостной улыбкой и хотела пройти с ним в спальню.

– . Подожди, голубушка. Мне нужно одно письмо прочитать. Оно лежит на письменном столе.

Они вошли в кабинет. Увидев исписанным длинный лист тонкой японской бумаги, Лыков рассмеялся:

– Опять письмо папе и маме? Ты научи меня писать по-японски. Красиво у вас закорючки выходят.

Лыков положил ладонь на письмо и пригляделся к нему.

«Цифры. Зачем в письме цифры?» – подумал он, и кровь ударила в его лицо. Навалившись на стол всей грудью, как бы ища нужную ему бумагу, он просмотрел итоги накладных и коносаментов. В письме были те же цифры.

– Не могу найти. Разве в сейф положил? Ты кончила писать? Кончай. Спать пойдем. Иди готовь постель, а я запру бумаги. Ты у меня, голубушка, замучилась с переводами коносаментов. А я все гуляю. Шабаш! По-серьезному возьмемся за русское дело.

Японка поцеловала Лыкова и направилась в спальню, а он сгреб со стола всю переписку.

«Постой! У меня же есть другой ключ от несгораемого шкафа. Вероятно, сюда не подходит», – думал Лыков, запирая сейф. Он достал ключик из кошелька. – Очень похожи друг на друга. Не подходит. Прекрасно... Забавно будет, если воры похитят ключи...»

Саша-сан лежала в постели с закрытыми глазами. Лыкову не давали спать нахлынувшие думы. Прав или неправ капитан? Раскинув руки, Лыков притворно захрапел. Прошло десять – двенадцать томительных минут. Саша-сан спустила ноги с постели и просунула руку под подушку за ключами. Поднявшись, она стала во весь рост и, наливая в стакан холодную воду, прислушивалась к храпу Лыкова, потом отошла от кровати и бесшумно придвинулась к двери.

Очутившись у сейфа, она привычным жестом взяла ключ и сунула его в скважину. Не входит. Перевернула. Опять не входит. Лоб Саши-сан покрылся холодной испариной.

«Какие-то новые ключи? Почему я о них ничего не знаю?» – подумала она и вернулась в спальню. Лыков по-прежнему всхрапывал.

«Лихоманка затрясла. Волнуешься? Ключ-то не подошел? Значит, дело серьезное. Ловко же я придумал! Папа и мама не получают очередного письма». Лыков не удержался и засмеялся.

– Что с тобой? – вскрикнула японка и откинула одеяло.

– Веселый сон я видел. Спи. Завтра расскажу.

Треволнения ночи утомили Сашу-сан и перед рассветом, убаюканная легким храпом хозяина, она крепко уснула. Лыков всю ночь разыгрывал спящего. Это было нетрудно – досада на себя взвинтила ему нервы.

В восемь с половиной часов он встал и, выбрав вчерашнюю переписку из сейфа, отправился в банк.

– Там, наверное, переводчики есть. Проверю, а завтра приму меры. Скандал!..

Вернувшись к обеду, он не нашел японки. Вскоре выяснилось, что она скрылась вместе с Вишней-сан.

3

И вторую ночь Лыков волновался, но уже один. Он не жалел о японке, но душила злоба: как так? Его, русского купца, и вдруг провели японцы! Одурачили бабой! Тысячу раз прав капитан...

На следующее утро Лыков уехал в Артур, поручив надежному лицу следить на пристани за отъезжающими японками.

Порт-Артур жил жизнью большого портового города, и Дальний против него казался заброшенной выставкой, сыгравшей свою роль и подлежащей слову. Планы наместника Алексея были противоположны планам графа Витте. Наместник не уделял внимания Дальнему, а старался возводить больше коммерческих построек в самом Порт-Артуре. Сорок миллионов, потраченных на коммерческий порт, повисли в воздухе еще задолго до объявления войны. Совсем по-другому выглядел бы Порт-Артур, если бы эти миллионы были затрачены на него.

Как только Лыков прибыл в Порт-Артур, его ошеломили всевозможные слухи. Токио по-прежнему отстаивает требования, предъявленные Петербургу, и всячески запугивает наше правительство; в свою очередь, в Петербурге нелюбезно разговаривают с японским послом. Японцы, проживающие в Артуре, ликвидируют свои дела и выезжают. Лыков убедился в этом лично: японская парикмахерская «главного начальника Квантунской области» (так было написано на вывеске) оказалась закрытой. Лыков весь день проходил небритым и часто мысленно восклицал:

– Ловко у них все подстроено. Придут бриться, ведут разговоры, а шпион-японец слушает. Русских парикмахерских нет, а китайские не отличаются чистотой...

Особенно интригующим был слух о договоре между китайским правительством, Японией и Соединенными Штатами, по которому Поднебесная империя уступала некоторые свои порты в распоряжение означенных государств.

Лыков удивился, увидев боевые суда перекрашенными в серый цвет. Со многих из них срочно снимали излишний такелаж и мешающий в боевой обстановке инвентарь.

Промаршировали солдаты в полной амуниции, а около гавани ходили прилично одетые штатские японцы.

«Японцев еще сколько угодно, – подумал Лыков, – а по-настоящему на Квантуне их совершенно не должно быть».

Тревожное состояние охватило обывателей. И только военные выглядели спокойными и, как показалось Лыкову, даже беспечными.

– Впрочем, что же волноваться? Быть ко всему готовыми – их прямая обязанность, – решил Лыков.

4

Был канун китайского нового года. По улицам ходили разряженные торговцы и кули. На магазинах, арбах, воротах жилищ, лотках разносчиков и даже на коромыслах водоносов блестяли красные наклейки с различными добрыми пожеланиями.

В ресторане Лыков встретил знакомого морского офицера.

– Как у вас в Дальнем? – спросил он.

Живем, словно в заброшенной деревушке. Между тем, по-видимому, события назревают.

– Да, японцы бряцают оружием.

– А мы-то готовы?

– Несомненно.

– Не нравится мне внешний рейд, – сказал Лыков. – Трудно уследить за неприятельскими миноносками.

– Простите, но это наивный вопрос. Кругом каждую ночь дозоры из боевых легких судов. Но мы, моряки, не предполагаем, что будут военные действия, хотя и желаем их. Японцев следовало бы проучить.

– Скажите, а в других ближайших Портах, например в корейских, есть наши суда? По моему, в такое тревожное время все суда должны быть в сборе, чтобы их не расстреляли поодиночке.

– Вы напрасно беспокоитесь.

– Скажу вам по-дружески, среди военных много беспечности. Поговаривают, что и морские офицеры не всегда ночуют на своих кораблях.

– Бывает. Война же не объявлена.

– Чуткость бы не потерять, – вздохнув, сказал Лыков и покраснел, вспомнив о японке.

– Вы волнуетесь. Мне приятно слышать, как о нашем флоте заботятся русские люди... Но, Александр Петрович, вам, коммерсантам, зачастую нажива затемняет рассудок, и вы, – не вы лично, разумеется, – идете на преступные сделки, хотя они в ущерб казне.

– Например?

– Нам отпускается плохой уголь, недоброкачественная провизия.

– Следите, проверяйте.

– Надо быть всюду и во всем честным. Нас, моряков, можно обвинять в пьянстве, но ни в коем случае не в жульничестве.

– Пьянство – тоже растрата! – воскликнул Лыков. – Вы растрчиваете здоровье и время. Между тем и то и другое следовало бы употреблять на изучение окружающей обстановки и новых достижений в технике. Простите, капитан, мне не раз говорили: молодые морские офицеры инертны в учебе. Примеру адмирала Макарова не многие следуют.

– Довольно вам волноваться. Все в порядке. Спите спокойно... Но вы, милый друг, что слабо пьете?

– Бросаю пить и курить.

– Что так?

– Решил жениться. А девица из таких, что не любит пьющих и курящих.

– Плюньте и найдите другую.

– Нельзя-с, сердце-с! – улыбаясь, ответил Лыков.

Глава пятая

1

26 января вечером китайцы начали праздновать свой новый год. Затрещали повсеместно фейерверки и хлопушки. Невообразимый шум ударил по натянутым нервам русских обывателей.

«Неужели началось?» – подумал каждый из них. Но, узнав, в чем дело, портартурцы успокоились.

...Ночь была темная, безлунная, холодная. Легкий туман окутывал боевые суда, стоявшие на внешнем рейде. Приветливо мигали маячные огни. По горизонту то бегали, то скользили лучи прожекторов., Порт-Артурская гавань, пока еще не углубленная, не имела постоянного свободного прохода для крупных судов. При входе и выходе они пользовались часами прилива.

Эскадра стояла на внешнем рейде в три линии: на севере – броненосцы «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь»; на юге – крейсера «Ангара», «Диана», «Паллада», «Баян» и «Аскольд»; в середине между обеими группами – красавцы броненосцы «Пересвет», «Победа», «Ретвизан» и «Цесаревич».

Миноносцы «Расторопный» и «Бесстрашный» курсировали по линии дальнего охранения. Крейсера «Новик» и «Боярин» стояли возле берега.

Легкий южный ветер окутывал суда тепловатой мглой. К десяти часам ночи наступила тишина, которая нарушалась только легким всплескиванием волн.

Около полуночи раздался взрыв мины у левого борта «Ретвизана». Минуту спустя «Цесаревич» открыл огонь по японским миноноскам, мчавшимся на него. Вслед за этим и с других судов раздалась залпы беглого огня.

Огромные столбы воды взвились около «Цесаревича» и «Паллады». Несчастные суда накренились и, выбрав якоря, направились ко входу в гавань. Вражеские миноносцы преследовали «Цесаревича», но были встречены дружным огнем судовых орудий. Через несколько минут один из них затонул. Остальные повернули обратно.

Раненый «Ретвизан» первым подошел к Тигровому Хвосту и уткнулся носом в берег. На «Цесаревиче» не растерялись и вовремя заполнили водой соответствующие отсеки, иначе и броненосец перевернулся бы.

Жители Артура первые выстрелы начавшейся войны приняли за учебную стрельбу.

В сухопутных войсках поднялась суматоха. Комендант крепости Стессель прибыл в штаб.

– Всем ротам немедленно занять береговые батареи.

– Ваше превосходительство, нет диспозиции, – сказал начальник штаба.

Глаза Стесселя округлились, рот приоткрылся, толстый подбородок отвис.

– Безобразие! – Стессель выругался. – Надо было думать об этом раньше. Разработали бы и представили на рассмотрение и утверждение... Позвонить по телефону и послать вестовых, чтобы каждая рота заняла соответствующую батарею и охраняла подступы к ней.

– Какая рота и какую батарею? Какой фланг усилить?

– Детские вопросы. Начальник штаба и командиры рот сами должны знать свое дело. Имею же я право рассчитывать на их сообразительность и расторопность?

– Они ни при чем. У вашего превосходительства должны быть все нити в руках и разработанный при вашем участии план.

– Дайте мне эти нити, дайте мне эти нити! – Стессель схватился за голову и выбежал из штаба.

Морской бой затих. От звездного неба веяло спокойствием. Стессель остановился: он не знал, куда идти и с чего начать оборону крепости.

Разбуженный гарнизон схватился за ружья. Многие роты вышли на позиции только с караульными патронами. Солдаты видели растерянность офицеров и решили отбрасывать врага штыками.

Лыков бегал вею ночь вдоль набережной. А на рассвете увидел на мели поврежденные суда.

– Три основные боевые единицы потеряли за одну ночь. Ужасно! – Он взглянул на гавань, на узкий пролив в море, – У этих дураков все полетит к черту. Николая Степановича сюда! Капитана в очках сюда!.. Дел-то, дел-то сколько! Побегу устраивать свои...

Около ворот, ведущих в порт, стояли полицейские чины. К ним подходил пьяный лейтенант с двумя дамами под руку.

– Говорил же я вам, что это была учебная стрельба. Смотрите, какое ясное и спокойное утро. А вы перепугались и кричали: «На вокзал, скорее на вокзал!»

Лейтенант громко рассмеялся. К нему подошел околоточный.

– Позвольте доложить, война началась. «Цесаревич», «Ретвизан», «Паллада» подорваны неприятельскими минами.

Моряк вздрогнул и, взглянув на вход в гавань, скрылся бегом в воротах порта, не сказав ни слова своим дамам.

2

В 10 часов 35 минут утра 27 января крейсер «Боярин», вернувшись из разведки, привез известие о приближении неприятельской эскадры численностью в пятнадцать боевых единиц.

Совещание у наместника прекратилось, и все поспешили на свои места. Адмирал Старк прибыл на флагманское судно при первых выстрелах по неприятелю. Генерал Стессель отправился на Электрический утес, наместник пожелал наблюдать за боем с Золотой горы.

Японский огонь был направлен главным образом на наши суда. Несколько неприятельских снарядов перелетело через береговые укрепления и разорвалось на горе Перепелиной.

Золотую гору окутывали огромные клубы дыма от простого пороха, который еще применялся русскими на мортирных батареях. После каждого выстрела кверху подсакивали белые дымные кольца, а затем медленно сплывали в сторону залива.

С Электрического утеса стреляли из дальнобойных орудий. Они выбрасывали длинные языки пламени. Вместо дыма над батареей проносилась желтая пыль.

Наши и японские суда стреляли непрерывно. «Новик» и «Баян», несмотря на сосредоточенный на них огонь, все время держались впереди, не переставая отвечать врагу.

На многих японских судах возникли пожары. Электрический утес поражал врага, но снаряды остальных береговых батарей до неприятельских судов не долетали.

Бой продолжался тридцать минут. Японцы отступили. Это была первая отбитая русскими на Квантунском полуострове атака.

Глава шестая

1

Во второй батарее сообщение о начавшейся войне сделал командир батареи полковник Мехмандаров, невысокого роста человек с горделивой осанкой. У него были лихо закручены усы, густая борода раздвоена пробором. Жесткие, с красными прожилками глаза смотрели упрямо. В длинном, до колен, мундире, в сапогах с круглыми твердыми голенищами, он был похож на музейный манекен.

Закинув руки назад, он стал посредине казармы перед строем и сказал хрипловатым голосом:

– Война началась. Готовьтесь к походу. Нам предстоят боевые испытания. Каждый, кто истинно любит свою родину и батюшку-царя, покажет перед всем миром доблесть русского оружия. Японцы не одни. Начиная войну, они надеются на поддержку других государств и в особенности Англии. Батареи нашего дивизиона столкнутся с японцами самыми первыми, потому что мы с вами находимся недалеко от границы. Через несколько дней мы двинемся в поход навстречу коварному врагу. Нам предстоит выполнение трудных и ответственных задач. Вас, батарейных ездовых, канониров, бомбардиров-наводчиков и фейерверкеров, я знаю как молодцов, хорошо подготовленных для стрельбы из наших прекрасных пушек. У японцев таких пушек в полевой артиллерии нет. Мы, несомненно, будем иметь преимущество по меткости и дальности стрельбы. Наши пушки образца 1902 года усовершенствованы. Родина и император надеются, что вы окажете врагу самое упорное сопротивление, применяя в тяжелые минуты свои силы и смекалку. Вы будете жестоко преследовать его, когда он дрогнет и побегит... Итак, вперед, к победам и царским наградам! Желаю вам вернуться целыми и здоровыми... Ура!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.